

A futuristic cityscape with a person standing in the foreground. The scene is set in a bright, hazy environment. In the foreground, a person in a dark blue jacket and pants stands with their back to the viewer, looking down a wide, empty street. The street is flanked by futuristic buildings and structures. In the background, there are tall, slender skyscrapers and a large, circular structure resembling a space station or a large observation deck. A small, sleek aircraft is flying in the sky. The overall color palette is dominated by blues, oranges, and yellows, suggesting a sunset or sunrise. The text is overlaid on the upper half of the image.

Лиза Плотникова

**Проект
"Хронос":
Краснодар
2125**

Лиза Плотникова

Проект "Хронос": Краснодар 2125

<https://litres.ru/73983443>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что бы вы делали, если бы внезапно оказались в будущем? В 2025 году. 25-летний краснодарец Алексей Мирошников переносится в Россию 2125 года. Страна стала частью Союза Социалистических Государств – технологически развитого общества.

Пришелец сразу же попадает в поле зрения КГБ. После серии исследований выясняется, что его организм после перемещения во времени приобрел уникальную способность, которая активизирует работу хрономоста. Это устройство, над которым работают не только советские, но европейские ученые, способно «заглядывать» в будущее и предсказывать его с высокой долей вероятности.

Вскоре герой узнает, что в упадочной Европе, пережившей ядерную зиму, живут его потомки.

Когда родных попаданца похищают и шантажируют, он оказывается перед выбором: остаться в безопасном и развитом СССР 2.0 или рискнуть всем ради спасения потомков, но

вооружить западных капиталистов технологией контроля над временем. От его решения зависит не только судьба близких, но и баланс сил в мире.

Содержание

Глава I Алексей Мирошников	5
Глава II Михаил Ефимов	14
Глава III Мила Сыромятникова	23
Глава IV Алексей Мирошников	33
Глава V Михаил Ефимов	45
Глава VI Мила Сыромятникова	54
Глава VII Алексей Мирошников	64
Глава VIII Михаил Ефимов	76
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Лиза Плотникова

Проект "Хронос":

Краснодар 2125

Глава I Алексей Мирошников

Я не знаю, как здесь оказался. Как такое вообще может быть? У меня есть три версии происходящего, и только две из них – реалистичные и разумные.

Первая: я в коме, и всё, что происходит вокруг, — игра пораженного мозга. Как в фильмах о людях, погруженных в коматозное состояние, где герой лежит в реанимации, обвешанный трубками, а его сознание разгуливает по закоулкам фантастических миров и не может оттуда выбраться. Вероятно, мой мозг в коме поместил меня в какое-то странное измерение, в котором я пытаюсь научиться жить.

Вторая: у меня поехала крыша. Поехала настолько, что я верю, что нахожусь в 2125 году. Я не знаю, что на самом деле ощущают и как видят мир настоящие психи. Никогда с ними не сталкивался. Но всё вокруг меня кажется мне абсолютно реальным: люди, город, обстановка, техника. Я живу здесь уже несколько дней, общаюсь с врачами, медсестрами, прохожу процедуры, даже ответил на вопросы сотрудников Гос-

безопасности, и подозрений, что они не настоящие, а являются лишь плодами моего воображения, у меня не возникло.

Третья версия — самая невероятная: я действительно каким-то образом перенесся на сто лет вперед. Этот вариант не укладывается в голове. Но я пытаюсь существовать в новых для меня условиях и считать, что так и есть, чтобы не сойти с ума по-настоящему. Думать о том, что я в будущем, вот прямо как в каком-нибудь фильме, — странно. А еще мне страшно. Страшно так, что хочется сжаться в комок и спрятаться там, где никто не найдет.

Последнее, что я помню из прошлой жизни, — как возвращался домой с работы вечером 13 февраля 2025 года. Я уже тысячу раз прокручивал в памяти каждую секунду пути, чтобы найти хоть какую-то зацепку, которая сможет объяснить происходящее.

Вот я еду за рулем своего «Рено» с работы. На улице темно. Я вымотан, меня бесят привычные пробки на Западном обходе, из динамиков голосит Арбенина. Дома меня ждет ужин и Вика. Я хочу поскорее доехать, припарковаться, поесть и рухнуть на диван.

Сворачиваю на Московскую, оказываюсь на полосе рядом с трамвайными путями. Дальше всё происходит молниеносно. В свете фар замечаю трещину на асфальте — она расползается, как живая. Я не успеваю среагировать и затормозить. Машина уходит вниз в черную яму, ее стаскивает по наклонной плоскости, она утыкается бампером в грунт. Ощущаю

удар в спину — «Рено» припечатывает следом идущий автомобиль. Вокруг темнота, брызги света от фар, засыпанных земель, не спасают. Откуда-то сверху доносится визг тормозов, сигналы. Другие водители, видимо, уже заметили яму и как туда «нырнули» машины, и пытаются перестроиться в другие полосы.

Сердце колотится, в голове гул, но ответ на вопрос, что происходит, я нашел быстро — очередной провал грунта в Музыкальном. Краснодар уже несколько месяцев будоражат новости о проседании почвы. Микрорайон, в котором я живу, знаменит такими происшествиями. Его еще называют «городским гетто» из-за «какпопальной» застройки и отсутствия инфраструктуры.

Грунт в Музыкальном проваливался уже несколько раз: на дороге прямо под трамвайной веткой или на тротуаре. Чиновники объясняли, что провалы возникают из-за канализационных протечек. Ямы засыпались, сверху прикрывались заплатками асфальта. Экологи и геологи говорили в СМИ о нестабильности грунта, делали жуткие прогнозы. Но это ничего не меняло, все продолжали жить обычной жизнью.

Итак, после остановки в яме я глушу машину, открываю окно, морщусь от канализационного смрада. Оглядываюсь назад, в салоне авто, которое въехало в меня сзади, темно и никакого движения. Я перевожу взгляд вверх: по моей оценке, до края провала сверху примерно пара метров. Думаю,

что если заберусь на крышу машины, то можно будет попробовать выбраться. Кто-то да придет на помощь. Открываю дверь, отстегиваю ремень, опускаю вниз ногу, пытаюсь нащупать точку опоры, теряю равновесие и лечу вниз в темноту.

Дальше ничего не помню...

Я очнулся от яркого света. В глаза фонариком светил врач, рядом суетилась медсестра, прикрепляя мне на грудь какие-то датчики. Доктор спросил, сколько я вижу пальцев, а затем — как меня зовут.

— Три, — прохрипел я, пытаюсь оглядеться. — Алексей, Алексей Мирошников.

Больница показалась мне необычной: много оборудования, какие-то странного вида хромированные стойки, приборы, мигающие лампочки. «Слишком круто для городской больницы, наверное, это краевая» — решил я.

— Вы в краснодарской больнице скорой помощи на ЗИ-Пе, — сообщил доктор. — Вас нашли на закрытой территории города. ИИ проанализировал видео с дронов и подал сигнал экстренной службе.

Что за закрытая зона, где она находится и как я там оказался? Не вспомнил. Использование беспилотников меня не удивило, их сейчас не только на СВО применяют.

Я покорно выполнял все указания врача. Мне прилепили на запястье какой-то розовый патч размером с рублевую монетку, попросили перелечь на каталку и повезли в соседний кабинет. Взгляд зафиксировал, что стены и потолок будто

растворяются в мягком освещении – странно.

Медсестра закатила каталку на платформу под массивной аркой с голубым свечением. Меня накрыл сверху прозрачный купол, по периметру которого забегали тонкие лазерные линии. В ушах раздался легкий гул. Спустя минуту купол вернулся под арку.

«Это ж сколько денег в медицину сейчас вваливают?» — я порадовался, что прохожу медобследование бесплатно и без очереди.

Каких-то подозрений, что что-то не так, больничная аппаратура у меня не вызвала. Кто его знает, с чем теперь работают врачи. К медикам я обращался редко, так, с простудами, хоть и имел официальный статус больного астмой. Родители — медики, входящие в комиссию при военкомате, подсустились с диагнозом. Липовым, конечно, чтобы не служить в армии.

Когда меня вернули в первый кабинет, там уже ждал доктор.

— С вами в целом всё в порядке: небольшое сотрясение мозга и переохлаждение. Требуется консультация стоматолога, — сказал он. — Но более странно то, что мы не смогли вас идентифицировать. Вас нет в общероссийской базе и в базе ССГ. У вас нет датчика телеметрии.

— Назовите ваше полное имя и дату рождения, — попросила медсестра.

— Алексей Сергеевич Мирошников, 5 февраля 2000 года,

— ответил я.

— Ошиблись, понятно, вы в таком состоянии, — вздохнула девушка и попросила назвать адрес прописки.

— Жигуленко, 3, дробь 8, — уточнил я.

Медсестра занесла данные в компьютер с экраном толщиной в листок и тут же выдала:

— Такой улицы в Краснодарской агломерации нет.

Она странно посмотрела на меня и вновь попыталась найти мой адрес в базе, но безуспешно. Видно было, что она насторожилась.

Я хотел было пошутить, что она не знает, где находится улица Жигуленко, потому что Музыкальный – это такой район, куда скорая и таксисты бояться ездить из-за ям на дорогах, но тут мое внимание с медсестры переключилось на врача. Рядом с его столом на стене появилась голографическая проекция со скелетом, сосудами. Доктор нажал комбинацию кнопок на клавиатуре, проекция повернулась по кругу, рядом проявился текст.

«Ничего себе, раньше такое было только в кино», — опешил я.

После того, как голограмма исчезла, мне сообщили, что пока я остаюсь под наблюдением в больнице, а для установления моей личности и для оформления документов медсестра обратится в милицию.

— В полицию, — автоматом поправил я.

— В отдел милиции, — ответила девушка и переглянулась

с врачом.

— Я напишу отказ от госпитализации, — твердо произнес я. Меня насторожили их слова про отсутствие регистрации и про полицию-милицию. Я не понимал, что случилось, и намеревался как можно быстрее добраться домой.

— Мы не можем вас отпустить, — мягко, как будто стараясь меня успокоить, объяснил доктор. — Вам требуется медицинская помощь. Кроме того, выяснилось, что вы — нелегал, а это незаконно. Давайте поставим вас на ноги, установим, кто вы, а потом — идите, куда хотите.

Я направился к двери. Удерживать они меня не имели права. Раздался лающий звук сигнализации. Ко мне подбежали двое здоровенных охранников. Я пытался вырваться, но медсестра быстро ввела мне в шею какой-то препарат. Тепло стало чужим: я мог дышать, видеть, слышать, но попытки пошевелиться не давали результата. Мышцы как будто отключились от мозга. Меня аккуратно усадили на навороченную инвалидную коляску.

— Это «Паралекс-8», — объяснил врач, присев на корточки рядом со мной. — Вы остаетесь в сознании, но не сможете двигаться примерно тридцать минут. Это не седация, а контролируемая иммобилизация.

Я молчал, пока медсестра везла меня в палату по светлому пустому коридору. Она подкатила меня к абсолютно гладкой, без ручек и замочных скважин двери, прислонила к датчику на стене браслет на запястье, и, когда створка рас-

пахнулась, мы зашли в палату.

— Располагайтесь, ваша пижама, тапочки и халат в тумбочке, туалетные принадлежности — в санузле за дверью. Ужин вам принесут. Извините, но дверь в палату я закрою. Если понадобится что-то, обращайтесь к помощнику, — скороговоркой проговорила она и вышла, закрыв дверь.

Я огляделся. Палата была небольшой, светлой, почти пустой. Из мебели — только кровать у стены, застеленная белым покрывалом, и тумбочка, привычная такая, какими обычно обставляют больницы — ящик сверху, под ним дверца.

Попробовал встать — бесполезно. Тело не слушалось. Оставалось только ждать, когда препарат перестанет действовать.

Вскоре я смог шевелить руками. Ощупал карманы — телефона, ключей от квартиры и машины не нашел, что меня встревожило. Еще через пару минут смог вытянуть ноги, встать. С трудом дошел до двери. Ручки на ней не было. Я стучал в нее, кричал, но никто не пришел.

— Ну и как вызвать медсестру? — задал я себе вопрос вслух.

Из динамика где-то на потолке раздался приятный баритон:

— Медсестре на пульт вызов отправлен. Может вам еще что-то требуется, товарищ?

— Ты кто?

— Голосовой помощник, отвечу на все ваши вопросы,

предложу варианты решений.

— Где я?

— Вы находитесь в Больнице скорой помощи Краснодарской агломерации Краснодарского края Российской Республики, входящей в состав Союза Советских государств.

— Это розыгрыш?

— Анализ ситуации не выявляет признаков организованного розыгрыша. Все зафиксированные данные соответствуют штатному режиму работы больницы скорой помощи. Желаете, чтобы я уточнил какой-либо аспект текущей ситуации?

— Какая сегодня дата?

— 14 февраля 2125 года.

— Уточни год, — переспросил я, уже начиная нервничать.

— 2125 год.

— Без шуток скажи, какой сейчас год, — зло потребовал я.

— 2125, — повторил голос.

Мне стало не по себе, дышать получалось с трудом, как будто мне кто-то перекрыл доступ кислорода. Неужели я стал жертвой чьего-то глупого жестокого розыгрыша? Внутри также зародился страх, что это все-таки не шутка и я схожу с ума, потому что такого просто не может быть.

Глава II Михаил Ефимов

Утром, когда я заступил на дежурство, меня сразу отправили в городскую больницу скорой помощи. Туда поступил парень, который не пробивался по базе ДНК, и информации о нём не было ни в одной системе.

— У него нет медицинской истории, как будто он никогда не обращался к врачу, — объяснили мне в дежурной части. — Документов у него также нет, а нашли его на закрытой части старого города.

— Как он туда вообще забрёл, если там мощное ограждение и охрана? Медики думают, что он перебежчик или, ещё хуже, шпион, — объяснил мне руководитель смены Виктор Петрович Нехай. — Съезди, узнай, пробей по базам. В общем, разберись.

Задание меня взбодрило. Надоело сутками отслеживать потоки информации в Сети, писать пустые отчёты. Когда я поступал учиться в Академию КГБ, то надеялся, что жизнь моя будет похожа на фильмы про секретные операции: преступники-шпионы пытаются повернуть свои делишки, я их легко вычисляю и ловлю, спасая страну от катастрофы. Дурачок...

В Краснодаре, вдали от границ, всё было тихо: никаких тебе вредителей или тайных агентов. Да, в России постоянно находили перебежчиков, желающих стать гражданами ССГ,

но их засекали сразу на границе — до нас они не доходили. Мне поручали в основном контроль за обменом информации между пользователями внутри страны и зарубежными абонентами. Ни разу я не фиксировал существенных нарушений.

А тут — неизвестный парень, которого нет в базах, найденный в той части города, которая закрыта для людей уже почти 90 лет. Быть может, это дело откроет мне дорогу в Москву...

По дороге в больницу я запросил информацию в службе спасения. Через пару минут на экране появился отчёт ИИ «Наблюдатель-27»:

Сектор «Закрытая зона» Дата: 14.02.2127 Время: 06:46 по МСК

Объект обнаружения: человек (предположительно)

Место обнаружения: Провал (координаты: Lat: 45.0893, Lon: 39.0019, дно; глубина: ~57 метров)

Детали обнаружения: В рамках планового патрулирования «Закрытой зоны» дрон «Цербер-4/9 В-14» зафиксировал аномалию теплового излучения по указанным координатам. Данные были перенаправлены в Аналитический центр для углублённого анализа. Алгоритм распознавания образов подтвердил наличие живого организма.

Описание объекта: Объект находился в неподвижном состоянии. Тепловой профиль указывал на гипотермию, но жизненные функции, предположительно, были сохранены.

Вероятные причины нахождения объекта в секторе «Закрытая зона»:

Нарушение периметра охраны: объект мог самостоятельно проникнуть в сектор, игнорируя запрет и пользуясь некорректным функционированием средств защиты.

Неисправность транспортного средства: объект мог оказаться в закрытой зоне в результате аварии летательного аппарата. Данные о нештатной работе зарегистрированных транспортных средств с 10.02.2127 по 14.02.2127 не зафиксированы.

Аномальное пространственное явление: появление объекта связано с аномальными пространственными явлениями, которые уже наблюдались в секторе «Закрытая зона».

Предпринятые действия:

Организована эвакуация объекта. Бригада спасателей прибыла на место в 07:10 по МСК 14.02.2127. При взаимодействии с объектом специалисты придерживались протоколов безопасности, предусмотренных для заходящих в сектор «Закрытая зона». Мужчина лежал без верхней одежды, на внешние раздражители не реагировал.

В 07:22 по МСК мужчину доставили в отделение скорой помощи Краснодарской агломерации для проведения медицинского обследования и установления личности.

Специалисты провели осмотр места нахождения мужчины. Какие-либо объекты, связанные с его появлением, на территории в радиусе 100 метров вокруг точки обнаружения

не найдены, как и следы транспортного средства.

Заключение: Обнаружение человека в секторе «Закрытая зона» является чрезвычайным происшествием, так как свидетельствует об уязвимостях в системе защиты.

Необходимо:

установить причины и обстоятельства инцидента;

провести анализ данных ИИ-сенсоров для выявления гравитационных, электромагнитных, геомагнитных аномалий, изменений фонового излучения в секторе «Закрытая зона»;

установить личность обнаруженного и эвакуированного объекта.

— Ладно, выясним, что это за тип оказался на дне провала и как он там оказался, — заключил я.

В больнице меня направили к дежурной медсестре в регистрационном отделе. Она оказалась дамой приятной наружности: высокая, фигуристая блондинка среднего возраста, представилась Мариной Сергеевной и сразу же сообщила, что обнаруженный парень — шпион.

— Говорит, живёт на улице Жигуленко в Краснодаре, адрес назвал, а его в картотеке нет. Ничегошеньки. Чушь какую-то несёт, вопросы задаёт, не сразу разобрался, как контейнер с завтраком открыть, пытается выйти из палаты, хотя русским языком ему сказали, чтобы сидел и ждал вас, — затараторила она. — И ещё: у него с зубами беда. У него там следы кариеса, залеченного какими-то пломбами из композита. Это в наше-то время, когда любой зуб можно за неделю

вырастить заново из собственных стволовых клеток. И одет тоже как-то... не по-нашему.

— Разберёмся. В каком он состоянии? — Да нормально с ним всё: сотрясение лёгкое, промёрз немного, стабилизировали. — Где он сейчас? — В палате для пациентов в нестабильном психическом состоянии. Пойдёмте, провожу.

Мы поднялись вместе на пятый этаж. Медсестра выдала мне карту для входа в палату и оставила один на один с загадочным Алексеем Сергеевичем Мирошниковым.

Он выглядел как совершенно обычный русский парень: выше среднего роста, мускулистый, со светлыми, чуть вьющимися короткими волосами, правильными чертами лица и серо-зелёными глазами. Пожалуй, если бы я составлял на него ориентировку, не за что было бы зацепиться. Красавчик — такие обычно нравятся девушкам. Он наверняка этим пользуется, хотя в его возрасте уже, скорее всего, имеет семью и детей. Сейчас, переодетый в больничную пижаму, он выглядел как рядовой гражданин ССГ, находящийся на лечении.

— Здравствуйте, я — капитан краевого управления КГБ Михаил Иванович Ефимов, — представился я. — Пришёл по сигналу медиков: они не могут установить вашу личность. Давайте выясним, кто вы такой.

— КГБ? — он напрягся. — Почему меня здесь удерживают? Это незаконно!

Я достал из кармана удостоверение и развернул его у него

перед носом. Он мне уже не нравился — слишком борзый, слишком наглый, — но я отогнал от себя чувство неприязни, чтобы не мешать себе действовать согласно инструкции.

— Я буду задавать вопросы, вы — отвечать. Иначе я из больницы доставлю вас в отделение, где разговор у нас пойдёт уже совсем в другом ключе. Выясним, кто вы, — отпустим домой. Договорились? — спросил я, посмотрев на него сверху вниз.

Он кивнул.

— Итак, вас зовут Алексей Сергеевич Мирошников?

— Да.

— Ваш адрес?

Он повторил всё, что было записано с его слов в медицинскую карту.

— Как вы здесь оказались? Помните?

Тут он начал плести какую-то чушь про дорогу с работы, про провал на дороге, аварию, падение. В той части города, где его нашли, уже давно нет ни дорог, ни домов, и никто не живёт. Сектор закрыли ещё в 2038 году, после катастрофы. Тогда погибли несколько тысяч человек. Сейчас эта часть Краснодара огорожена высоким сплошным бетонным забором, движение надземного транспорта там под запретом, воздушные шаттлы автоматически блокируются на подлёте и меняют траекторию.

— Часть города, про которую вы говорите, закрыта, там давно никто не живёт. Вас нет в базах данных, на вас не уста-

новлен датчик телеметрии, хотя это норма для всех граждан ССГ. Кто вы и откуда? — повторил я, глядя ему в глаза.

Блондинчик растерянно присел на кровать, обречённо потёр лицо руками и устало завёл свою шарманку про то, что он — Алексей Мирошников и так далее.

— Вы шпион? Перебежчик? Готовы сотрудничать с нами? — надавил я на него и увидел, что он находится в полном замешательстве.

— Помощник, найди человека по фото, — бросил я в воздух.

В палате явственно раздался шелестящий звук наведения фокуса камеры наблюдения на Мирошникова. Проектор тут же развернул на белой стене изображение с фотографией парня, а рядом с ней появились другие его снимки, стилизованные под фото из соцсетей, которыми, кажется, пользовались в прошлом веке.

— Алексей Сергеевич Мирошников, 2000 года рождения. Пропал без вести в Краснодаре в феврале 2025 года. Машина, за рулём которой он был, упала в дорожный провал на улице Московской. Тело мужчины не найдено, — прочитал искусственный голос.

Я замер. Либо ИИ ошибся, либо...

Мирошников старательно изображал ужас — лицо исказила гримаса недоумения. Он сидел на кровати без движения, безвольно опустив плечи.

— Покажи видео о провале в Краснодаре, — попросил я

помощника.

На стене развернулся экран с видео гигантской ямы, снятым с дронов. Затем кадры сменились другими — сделанными на месте событий в прошлом веке.

— Катастрофа навсегда изменила облик города и оставила след в памяти его жителей, — рассказывал диктор. — Провал «проглотил» жилые дома, улицы и жизни людей. Свидетели описывали апокалиптическую картину: оглушительный грохот, дрожащая земля и поднимающееся в небо облако пыли и обломков. В считанные минуты тысячи семей потеряли свои дома, а многие — своих близких. По официальным данным, в катастрофе погибли 127 человек — их тела удалось найти, ещё 980 пропали без вести. Тысячи горожан остались без крыши над головой.

Мирошников не отрываясь следил за изображением, хмурил брови. «Хорошо играет, артист», — подумал я.

Голос за кадром продолжал: «Расследование показало, что к трагедии привела неправильная градостроительная политика: многоэтажки возводились в зонах, подверженных риску провалов, без должного укрепления грунта. Роль сыграли также изношенные коммуникации — сгнившие водопроводные и канализационные трубы постоянно протекали, размывая почву».

— Что скажете?

На мой вопрос парень не реагировал. Он был ошарашен, сидел, опустив плечи, не двигаясь. Тут меня впервые посе-

тила мысль: а что, если он и правда оттуда — из прошлого, и его появление связано с какими-то аномалиями закрытой зоны?

Глава III Мила Сыромятникова

Когда мне поступило сообщение о приглашении в отделение КГБ, я со своим классом возвращалась из Новороссийска на маглеве.

Каждый год 16 сентября старшеклассники нашей 43-й школы имени Цезаря Куникова ездят из Краснодара в город-герой на мероприятия в честь освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Музей «Малая земля» напоминает о событиях почти 200-летней давности. В этом году честь представлять нашу школу выпала моему 10 «В». Я сопровождала ребят, как классный наставник.

Почти все 40 минут поездки до Краснодара мои комсомольцы молчали — уж очень реалистично выглядела голографическая реконструкция боя у прибрежной полосы: свистели пули, падали бойцы, кричали раненые. Конечно, это была смягчённая версия, но и она давала понять, как тяжело было одержать победу и каким мужеством обладали наши предки.

— Людмила Александровна, да как им выживать-то удавалось? — спросила Ира Берсенева.

Вслед за ней все оживились, начали делиться впечатлениями. Я старалась не вмешиваться в разговор — пусть поделятся мыслями друг с другом.

Наставником в 43-й школе я работаю второй год. Меня на-

правили сюда по распределению сразу после окончания Кубанского педагогического университета. Я не жалела: с удовольствием занималась с пионерами и комсомольцами, помогала им осваивать учебную программу, водила на экскурсии.

Только я собралась вступить в дискуссию, как кольцо связи завибрировало. В воздухе вспыхнула голограмма: «Сообщение из КГБ. Требуется срочный ответ».

Что могло понадобиться от учительницы Комитету?

Я отошла в сторону от ребят и других пассажиров и раскрыла письмо:

«Уважаемая Людмила Александровна! Вам требуется явиться в отделение № 2 Краснодарской агломерации 17 сентября 2125 года к 15:00. Адрес: проспект Пригожина, 42 А, кабинет № 32, к следователю Ефимову М.И. Причина вызова — предложение о сотрудничестве с отделом. В ответ вышлите подтверждение об ознакомлении с письмом, согласием о явке или переносе встречи на другое время».

Сердце забилось чаще. КГБ? Мне? Что я могла сделать такого, чтобы меня вызвали туда?

Пальцы дрогнули над кнопками. В конце концов, я нажала «Ознакомлена» и «Подтверждаю явку», но осталась в недоумении. Причина вызова так и осталась неизвестной, хотя побывать в отделе КГБ мне было бы интересно. Я гадала, чем могла бы помочь, но ничего, кроме организации экскурсий детей в отдел или музей КГБ, придумать не смогла.

В школе директор уже получила извещение и отпустила меня без вопросов: после обеда у детей была только внеурочная деятельность. Ровно в 15:00 я стояла у здания отдела, прошла идентификацию по чипу. Симпатичный лейтенант проводил меня на третий этаж к кабинету.

— Михаил Иванович, к вам Сыромятникова, — доложил он, открывая дверь.

Кабинет встретил меня прохладой и запахом полированного дерева. За столом сидел капитан Ефимов — высокий, темноволосый, с пронзительно-голубыми глазами. Его улыбка казалась искренней, но взгляд оставался оценивающим.

Рядом с рабочим столом Ефимова, напротив окна, в кресле сидел ещё один молодой человек. В отличие от хозяина кабинета, он был не в форме, а в удобных спортивных брюках и футболке. Рядом с ним стоял внушительного размера чемодан. Он с интересом меня разглядывал, словно что-то знал обо мне и проверял, верно ли составил мнение.

— Здравствуйте, Людмила Александровна! — капитан поднялся. — Присаживайтесь. Позвольте представить вам Алексея Мирошникова. Мы бы хотели, чтобы вы взяли над ним шефство. Он прибыл к нам из-за границы, принял гражданство ССГ, не знаком с нашими правилами, и ему требуется поддержка и помощь.

— Почему я? — вырвалось у меня.

— Вы талантливый педагог, умеете находить общий язык с подростками. А Алексей... в некотором смысле тоже под-

росток — ему не хватает опыта. К тому же, — он сделал паузу, — Мирошников — ваш дальний родственник. Очень дальний, вы о нём вряд ли знаете.

Я замерла.

— Родственник?

— Да. Связь есть, хотя и дальняя. Мы провели отбор по нескольким критериям: возраст, профессия, место жительства, психологическая устойчивость. Вы — самая подходящая кандидатура.

А вы бы как отреагировали, если бы с вами связались сотрудники Комитета государственной безопасности, представили неизвестного вам ранее человека и заявили, что он ваш родственник?

Потерянных или исчезнувших родных у меня, насколько я помню, не было: часть семьи жила в Краснодаре, другая — в Кунгуре. Всех бабушек, дедушек, тётъ, дядей, сестёр и братьев я знала и поддерживала с ними отношения. А тут, словно в старых мелодрамах, — внезапно нашедшийся родственник. На связь намекала только фамилия парня — Мирошников. Такую же носила в девичестве моя какая-то далекая прапрабабушка.

— Людмила, понимаю, звучит странно, — продолжил Ефимов. — Но мы проверили по документам и провели генетическую экспертизу — родство подтверждено.

— Что от меня требуется?

— Помогите ему социализироваться. Познакомьте с горо-

дом, семьёй. Мы выделили ему жильё рядом с вашим. Надеюсь, вы поддержите его как советский гражданин.

Я кивнула, всё ещё находясь в шоке. Надо так надо, тем более если просит КГБ.

Алексей всё это время не отрывал от меня взгляда. В нём было что-то вызывающее, самоуверенное, но при этом в позе сквозила неуверенность: он то смыкал пальцы в замок, то размыкал их, не мог усидеть спокойно.

Ефимов вышел из-за стола, Мирошников поднялся, взял чемодан, и мы отправились к выходу. Внизу нас уже ждал служебный шаттл с эмблемой КГБ на дверях. До Нового Краснодара мы добрались по воздуху, поэтому дорога заняла не более 15 минут.

Пока мы летели, Алексей вертелся в салоне, расспрашивал про улицы, восхищался широкими дорогами и пришёл в неописуемый восторг, когда увидел войсковой собор Александра Невского в старой части Краснодара. Разглядев маленький и почти незаметный храм среди деревьев, он спросил:

— Это казачья церковь? А почему её не разрушили?

— А почему её должны разрушить? — в ответ спросила я. — Во-первых, это памятник архитектуры, во-вторых, это действующий храм. У нас свобода вероисповедания.

Он явно удивился и молчал до момента, когда мы прибыли в Новый Краснодар — район, расположенный в восточной части города рядом с посёлком Знаменским.

Я живу там, на улице Смолянинова, в доме старой постройки. Квартиру мне выделили как молодому специалисту. В будущем, когда обзаведусь семьёй и наработаю стаж, рассчитываю на переезд в более современное жильё — возможно, даже с террасой и небольшим садиком. Пока же я вполне довольна этим: да, район у нас не новый, тесноватый, с бестолковой застройкой, но зато соседи хорошие — много молодёжи, все дружные.

Мирошникову предоставили жильё в соседнем доме № 20 — «двушку» на 15-м этаже, отремонтированную и обставленную типовой мебелью и техникой.

Когда мы втроем зашли в квартиру, Алексей начал суетливо её осматривать.

— Располагайтесь, это теперь ваш дом, — сказал Ефимов, передавая ему электронный ключ. — Людмила покажет вам город, в понедельник подумаем о трудоустройстве и предложим несколько вариантов. Сейчас доставка привезёт продукты и ужин, а пока давайте попьём чаю и познакомимся поближе. Людмила, вы не поможете на кухне? Сделайте заказ, у Алексея открыт счёт на 100 баллов.

— А если я хочу больше, чем 100 баллов? Или что-то особенное? — задал вопрос пришелец.

— У нас нет ничего «особенного». Всё, что есть, доступно всем. Это справедливо, — пояснил капитан.

— Справедливо? То есть за меня решают, что мне нужно и в чём я нуждаюсь, и сколько я «заслужил»? — с насмешкой

поинтересовался новоявленный владелец жилья.

Он расхаживал по квартире, открывал и закрывал шкафы, выглянул на балкон и зажмурился от жаркого кубанского солнца.

— Сентябрь в Краснодаре жарит, как всегда, — произнёс он. — Что за высотки стоят за деревьями?

Михаил взялся ему объяснять, что это блоки нового университета, а я пошла к боксу доставки на кухне и быстро оформила заказ. Заказала кофе, колу, пиццу, пирожные с сырным кремом, а кроме того — пакет «Утро» с яйцами, молоком, батоном и сливочным маслом: в холодильнике в новой квартире у «родственника» было пусто. Оплата автоматически списалась со счёта, закреплённого за владельцем квартиры.

Через пять минут бокс подал сигнал. Я вынула коробки, расставила на столе продукты, налила кофе и пригласила мужчин к столу. По кухне плыл запах пиццы — нос улавливал ароматы тёплой хлебной корочки, молочные нотки сыра, пикантную остроту чеснока. Алексей с аппетитом принялся за еду.

— Ну как, на вкус наша пицца отличается от вашей? — спросил Михаил.

— А ваша пицца — это какая? — осторожно уточнила я.

— Алексей последний раз ел пиццу почти 100 лет назад, поэтому вкус её был другим, — пояснил Михаил. — Людмила, то, что я сейчас скажу, звучит неправдоподобно, но ваш

родственник, скорее всего, попал к нам из прошлого, а не прибыл из-за границы. По крайней мере, в КГБ и исследовательском научном центре в Москве придерживаются такой версии. Его нашли в закрытой части города, прямо на месте провала. Он один в один похож на пропавшего в 2025 году гражданина Мирошникова — сводного брата вашей прапрапрабабушки Анны Мирошниковой. Близких людей, кроме вашей семьи, у него в СССР нет.

— Он из прошлого? — Я чуть не рассмеялась. — Как в кино?

— Возможно. Или шпион, — улыбнулся капитан. — Засланец, разыгрывающий сложную партию, чтобы легализоваться. Пока мы это не выясним, вы будете его «проводником». Помогите ему адаптироваться, познакомьте со своими родными, друзьями. Думаем, он останется здесь — вариантов его возвращения в прошлое или за границу пока нет.

Ефимов достал папку, вынул оттуда документ и протянул мне.

— Ознакомьтесь и подпишите.

Я взяла бланк. В нём уже были вписаны мои данные, в том числе паспортные. Текст гласил, что я в соответствии с Законом СССР «О государственной тайне» обязуюсь: не разглашать сведения, относящиеся к секретным, не передавать данные, ставшие мне известными в связи с привлечением к сотрудничеству с КГБ, незамедлительно уведомлять о попытках третьих лиц получить доступ к информации, ко-

торой я располагаю.

Внизу жирным шрифтом было выделено: «Обязательства налагаются бессрочно. Разглашение сведений влечёт уголовную ответственность».

Это «бессрочно» меня напугало — звучало как приговор. А если я случайно проболтаюсь маме? Или подругам?

— Всё так серьёзно? — Я подняла взгляд на Ефимова.

Он молча кивнул и протянул ручку для подписи. Я глубоко вздохнула и размашисто расписалась в графе под текстом. Пальцы чуть дрожали.

Алексей, наблюдая за процедурой, вдруг спросил:

— А если я не захочу жить по вашим правилам?

Капитан медленно повернулся к нему. Улыбка исчезла, голос стал жёстким:

— Тогда вы не сможете жить здесь.

В комнате повисло тяжёлое молчание.

— Здесь живут по правилам и соблюдают закон, — добавил Ефимов уже спокойнее, но твёрдо. — Это основа нашего общества.

Мы условились, что для всех Алексей — журналист из Приморского края, прибывший в Краснодар по семейным обстоятельствам. Капитан заверил, что устроит его в одно из местных СМИ — на работу придётся ходить как положено.

— Людмила, вам надо будет сглаживать его неловкости, — продолжил капитан, обращаясь ко мне. — Помогать ориентироваться в правилах и порядках, объяснять, что можно,

а что нельзя. Консультировать по любым вопросам. Договорились?

Я кивнула. В голове крутилось: «Во что я ввязалась?»

С Алексеем мы обменялись контактами для связи. Договорились встретиться завтра после обеда, когда я вернусь из школы. В планах была прогулка по центру города – но не спеша, с остановками, чтобы он мог привыкнуть к виду летающих шаттлов, голограмм и огромных экранов.

До моего визита мой подшефный обещал познакомиться с кодексом поведения советского гражданина — хотя в его усмешке читалось явное недоверие к этому документу.

Глава IV Алексей Мирошников

Главным событием моего первого дня по-настоящему свободной и самостоятельной жизни стала прогулка по Краснодару с Людмилой.

До этого дня я почти полгода провёл в Москве, в исследовательском центре — словно подопытный кролик. Меня почти не выпускали на улицу, не давали доступа к новостям или другой информации. Я только и делал, что отвечал на вопросы, проходил тесты, обследования. Со мной беседовали следователи, физики, медики, психологи. Они препарировали мои воспоминания, словно биологи — редкий образец, пытаясь выяснить, действительно ли я «попаданец» или являюсь засланцем с Запада.

В первом случае они хотели понять, как я смог «перепрыгнуть» на 100 лет вперёд, во втором — какие цели я преследую и почему так упорно держусь за свою легенду, хотя меня могут легализовать абсолютно законно.

— Понимаете, Алексей, если вы действительно попали к нам из прошлого, то это чудо, — говорил мне старый профессор-физик Ефим Николаевич Голунов, седой, с выцветшими голубыми глазами за толстыми линзами очков. — Конечно, перемещение в будущее возможно, дорогой мой, без шуток. Это допускает теория относительности Эйнштейна, и наши учёные работают над этим. Но для таких путешествий

нужны скорости, близкие к скорости света, и экзотическая материя. Нам пока до этого далеко, хотя, мне кажется, мы близко к этому подобрались.

Как мне сказали, на место провала — закрытую уже почти 90 лет зону — отправили несколько экспедиций. Группа учёных искала кротовую нору, участок с аномальной гравитацией, следы нарушения хронологии, но, судя по тому, что я слышал, безуспешно.

Я же чувствовал себя подавленным и дезориентированным, и моё психологическое состояние стало вызывать тревогу даже у кэгэбэшников. В итоге меня решено было интегрировать в нормальную жизнь. Моим куратором был назначен Михаил Ефимов, тот самый капитан, который первым обо мне сообщил «наверх», а уж он нашёл Милу, чтобы она помогла мне адаптироваться в новом мире.

Однажды утром ко мне в комнату пришли офицеры и заставили подписать кучу документов.

— Ознакомьтесь и подпишите соглашение о неразглашении и обязательство об отказе от сотрудничества с западными спецслужбами, если они вдруг на вас выйдут, — сказал мне молодой подтянутый лейтенант. — Хотя куда вы денетесь с встроенным чипом контроля? Помните, что мы в состоянии отследить ваше местонахождение с точностью до метра. Выезд за пределы страны запрещён, так как вы являетесь носителем секретной информации. Контакты с иностранцами не приветствуются.

Я молча поставил подпись, стараясь не выдать, что меня трясёт. «Значит, свобода условная», — констатировал я, но утешил себя: «Зато лучше, чем в клетке».

Уже тогда я подумал, что в новом «совке», в который по каким-то причинам превратилась моя страна, живут так же, как в старом, — правила ГУЛАГа в действии. Впрочем, в советском строе родины я увидел и свои плюсы: мне дали двушку в 15-этажном доме, завели счёт, чтобы я мог покупать еду и одежду, пообещали устроить на работу.

В первый день знакомства Мила научила меня делать покупки с доставкой, пользоваться сервисом примерки одежды, обучающими программами — чтобы я не выглядел динозавром.

Следующее утро я начал с завтрака, а затем пошёл «шопиться» — заказал по каталогу новую одежду и обувь. Ассортимент был небольшим: несколько моделей, несколько вариантов цветов.

— Вот интересно, это особенность плановой экономики, когда выбор товаров определяется государством, или такой маркетинговый ход, когда ограниченное количество товаров позволяет увеличить продажи? — задумался я.

Буквально через несколько минут после оформления заказа в бокс, встроенный в окно, доставили футболки, комбинезоны, куртку, носки, бельё и ботинки с автоматической регулировкой амортизации и жёсткости подошвы.

«Господа-товарищи, — думал я, разглядывая покупки. —

Теперь я ношу футболку и брюки из водорослей, кеды с подошвой из грибного мицелия. Ну хоть трусы, слава богу, по-прежнему делают из хлопка».

После обеда пришла моя «проводница».

— Зовите меня просто Милой, — попросила она. Я смотрел на нее и не видел в ней мою старшую сестру Аню. У нас с ней были разные отцы, она старше меня на десять лет, но несмотря на разницу в возрасте мы были с ней дружны. У Милы были такие же светлые волосы, голубые глаза и улыбка с одной ямочкой на левой щеке.

— Тогда меня зови Лёшей. Меня так дома звали, — ответил я и поспешил подавить в себе ощущение тоски по дому, по родным, по Вике, по привычному миру.

— А ты давно у нас? — начала разговор Мила. Было видно, что ей очень любопытно и хочется узнать обо мне побольше.

— Примерно полгода, — улыбнулся я.

— И правда... из прошлого? Как такое вообще могло произойти?

— Перемещение во времени возможно, но как — не знаю. Я просто упал в яму на дороге в Краснодаре. И вот я здесь.

Мы шли по широкому тротуару вдоль дороги в старой части города, которая носит название «Новый Краснодар». Я чувствовал себя туристом, впервые попавшим за границу: архитектура, планировка улиц, техника — всё было для меня новым. Внутри всё сжималось — слишком странно всё

вокруг.

По обеим сторонам проезжей части высились высотки песочного цвета, фасады которых украшали пиксельные изображения и надписи: герб страны с девизом «Единство, Труд, Прогресс», слоганы «Наука — двигатель социализма», «Технологии для народа».

— Новый Краснодар — это историческое название, — объяснила Мила. — На самом деле большую часть этого района возвели около 90–80 лет назад. Тогда это была новая часть города, построенная по тогдашним современным нормативам, вот и дали ей такое название. Сейчас жильё здесь считается устаревшим: тут тесно, квартиры в домах маленькие, но в целом инфраструктура достойная за счёт новых школ и поликлиник. Говорят, скоро всё снесут и построят действительно Новый Краснодар.

По дороге и над ней сновали шаттлы, похожие на гондолы на «канатке» на Красной Поляне. Как я понял, эти кабины устанавливают на платформы на магнитной подушке или подвешивают к дронам с пропеллерами, чтобы передвигаться по воздуху.

— А чьи это шаттлы и как такой купить? — спросил я.

— Шаттлы – это общественный транспорт, - словно экскурсовод прокомментировала моя провожатая. — Они общие. Мы не тратим ресурсы на то, чтобы каждый имел свой. Каждый может вызвать в нужную точку транспорт для личного пользования и задать маршрут. Или сесть на остано-

ках в «маршрутки», которые следуют по определенному пути следования.

— Получается, у вас ни у кого нет ничего своего? Здорово, — я пытался скрыть свой скептический настрой.

Одна из гондол с еле слышным шелестом, словно гигантский жук, зависла рядом с нами, чтобы пропустить пешехода через дорогу. Из окошка высунулся какой-то пионер и помахал нам рукой, желая привлечь внимание.

— Это Дима Муравушкин из 6 «В», - улыбнулась Мила. — Отличник, но выдумщик.

По тротуару следовали люди, многие сидели на скамейках под деревьями под охлаждающими установками. Я всматривался в их лица, пытаюсь найти что-то новое, следы эпохи, которые бы указывали на их отличие от меня, но они были обычными. Мамы улыбались детям, отвечали на их вопросы. Молодые люди держались за руки и смотрели в глаза друг другу. Школьники болтали на лавках и смеялись с шуток друг друга. Кажется, люди остались такими же.

Прежней осталась и краснодарская жара. Солнце кочегарило как в июле, по моим ощущениям было под 30, воздух был сухим, пах пылью и травой. Не спасала даже тень деревьев, которых было на удивление много для Краснодара — в моей памяти он остался «лысым». Я провел рукой по лбу — выступил пот, как в моем 2025.

Мы прошли еще метров сто по тротуару и вышли на гигантскую площадь.

— Тяньаньмень отдыхает, – вырвалось у меня. Ровная как плац территория подавляла размерами и, вероятно, должна была демонстрировать масштабы и величие нового мира. На противоположной от нас стороне площади высилось громадное здание из стекла и бетона: нагромождение огромных геометрических фигур – кубов, цилиндров, одетых в зеркальные панели, в которых отражалось пронзительно синее небо.

— Это площадь Героев СВО, а здание — Концертный зал имени Юлии Тетериной, — пояснила Аня, указывая на эмблему с очертаниями крыльев на фасаде строения. Рядом располагался экран размером с пятиэтажку, на котором транслировались афиши с анонсами будущих концертов и представлений: голографическая опера «Путь к Марсу», квантовый перформанс «Динамическая симфония объёмов».

— Биоакустический концерт «Память Света», — прочитал я вслух и осознал, что я не понимаю, что это значит.

Взгляд упал на террасу на входе в здание, где толпились люди. Наверное, пришли на концерт и ждали на улице начала. Среди множества людей я разглядел молодую пару – парень и девушка что-то громко обсуждали и смеялись.

— А кто такая Тетерина? – решил уточнить я по поводу имени на фасаде концертного зала. — Только не говори, что наша, ну та, которая пела в мое время.

— Да. Её песни у нас как гимн. Ты и правда о них не знаешь? Она же певица «Русской весны» и СВО и твоя современница.

менница, — в ее голосе прозвучало не любопытство, а, скорее, упрек.

— Да как-то не интересовался.

Я увидел, как мой ответ заставил ее напрячься, она прищурилась, словно пыталась разглядеть во мне то, что я сам в себе не видел.

Мы прошли чуть дальше по краю площади, застроенном офисными зданиями, вперемешку с кафе и ресторанами. Нас окружил аромат выпечки и горьковатый запах кофе. Знакомый и родной, такой же как в кафе на Красной, где мы с Викой часто бывали.

— Перекусим? Ты, наверное, голодный? Я после уроков дико хочу есть, — призналась Мила.

Мы расположились за столиком в тени зонта и к нам тут же подлетело «радио» с винтами.

— Что будете заказывать? — спросил металлическим голосом «официант». — В меню: кофе, чай, круассаны, ягодный тарт, «Наполеон» и «Картошка».

— Два капучино, круассаны и ягодный тарт, — ответила Мила. «Радио» только отъехало, как из окна кухни к нам прилетел дрон с заказом на подносе.

Я взял чашку. Кофе горячий. Запах знакомый, с легкой молочной нотой.

— Нравится? — спросила Мила.

— Как дома, — пробормотал я и понял, что мое напряжение из-за неизвестности и вынужденной роли первопроход-

ца, немного спало.

— А в кафе меню везде одно и то же, как под копирку? — Я посмотрел на Милу.

— Примерно, да, где-то выбор больше, где-то меньше, но в целом набор блюд унифицирован, потому что так выгоднее государству и это справедливо, — пояснила она.

— Справедливо? Это скучно, — оценил я.

Ветер, который гулял по площади, был на удивление прохладным, ближе к вечеру жара стала спадать, кофе и выпечка подняли мне настроение и настроили на благодушный лад.

Только Мила, кажется, продолжала нервничать, теребила руками рукава платья. В конце концов она выпалила: «Почему ты не знаешь, кто такая Тетерина? Ты был против СВО?».

— А почему я должен был быть за? – Я посмотрел ей прямо в глаза.

— А как же убитые жители Донбасса, бомбежки, сожженные заживо в Одессе, атаки на мирных жителей? – перечисляла она, смотря мне в глаза. — Мы защищали их. А ты так говоришь! Может, тебе было удобно не замечать их беду?

Я не знал, как ей коротко и понятно ответить. Для нее это были лишь события, перечисленные в учебнике как предпосылки начала военного конфликта. Для меня – то, что происходило в реальности, но не задевало и почти не волновало. Я не брал близко к сердцу то, что было в ДНР и ЛНР с 2014 года. Понятно, я не мог об этом не знать, но меня больше волновали собственные каждодневные проблемы –

повысят ли мне зарплату в следующем квартале, чтобы легче было платить кредит на «Рено», надо ли менять колеса на авто сейчас или подождать ноября. Я больше переживал, чтобы Вика не залетела и не заговорила о свадьбе, потому что жениться я на ней не спешил, хоть и любил. Я думал не об окончании СВО, а о поездке с пацанами в Адыгею в горы. Война была далеко и не со мной.

Я вспылil:

— Боже, ты как моя сестра. Она каждый день следила за сводками, плакала, когда Россия отступала и постоянно деньги перечисляла на помощь «нашим»! А я хотел просто жить, как обычно.

— А что делал ты? Бежал? – ее голос стал стальным. — У нас этот «исход» испуганных мальчиков в учебниках описан. Или молчал, мимикрировал под нормального, а сам ждал, когда все закончится и можно будет вернуться к обычной жизни? А кем ты вообще там был? Каким-то клерком, который мог только мечтать о роскошной жизни, но верил, что сможешь заработать свой миллиард, только война тебе мешает? А сам поди жил в кредит, да?

— Да что ты так взъелась-то? Да, я хотел просто жить, достойно жить. Я не геройствовал, не спасал мир. Разве это преступление? — вскипел я.

— Жить – не преступление. Преступление – не обращать внимание на то, что рядом умирают от обстрелов люди, дети, — стараясь держать себя в руках, произнесла Анна. – У нас

в России так не принято. Если приходит беда, мы помогаем.

— А я не хочу отвечать за всех, я хочу отвечать только за себя, — выдохнул я. — Верхний Ларс я не штурмовал, мне незачем. В армию меня бы не призвали, по здоровью. Среди знакомых были мобилизованные, да. Кто-то даже погиб, но я не узнавал подробностей. Ну, мама на «сеточки» на выходных бегала к волонтерам в «Единство» у себя на Энке, ну Аня деньги собирала для закупки чего-то там нужного на фронт. Только в это же время, пока сердобольные бабки и тетki по копейке скидывались, некоторые генералы воровали миллиардами. Я жил своей жизнью, меня это не касалось!

— Надо было разрешить утюжить русских на Донбассе? Смотреть, как их убивают десятками в день, сочувствовать перед телевизорами, ждать что Украину усилят НАТО, захватят Донецк и начнут на постоянной основе стрелять уже по Ростову или Краснодару? — она говорила почти шепотом, но голос срывался.

— Как будто и так по Ростову и Краснодару не стреляли? Что ты тут знаешь про эту войну? По учебникам, по книжкам, по видеохроникам?

— А ты? Что знаешь ты, если только и делал, что делал вид, что войны нет, что люди не гибнут? — она смотрела на меня выжидающе.

Я молчал и смотрел на нее. Внутри бушевали эмоции, я не понимал, почему должен кому-то что-то доказывать. Ме-

ня эта война не трогала. Мешала, да, но шла параллельно с моей жизнью, только слегка влияя на нее, но не управляя ей. Так жила большая часть России. Москва жрала и пела, когда российские солдаты выходили из Купянска. Помню, какая-то рыжая блогерша оправдывала гулянку в столице тем, что москвичи заслужили праздник самоотверженным трудом и могут с чистой совестью отмечать День города. Мать и сестра тогда рыдали перед телевизором, слушая новости. Господи, это было как будто в Великую Отечественную – наши отступают, в тылу все места себе не находят. Я тогда злой уехал домой, уверенный, что они драматизируют. Тут похожая история. Эта училка говорит, как заправская пропагандистка. Похоже, я не прошел проверку «свой-чужой» для Милы и, меня это разозлило и огорчило одновременно.

Глава V Михаил Ефимов

— Я не хочу иметь с ним ничего общего, — почти кричала Мила. Ее голос дрожал. Изображение на экране видеосвязи слегка рябило. — Он приспособленец. Чужой.

Я слушал ее, но взгляд цеплялся за детали: как бьется пульс на ее шее, как смешно она морщит нос, прищуривает голубые глаза, скрывая их за длинными ресницами, как подрагивают прядки светлых волос, выбившихся из косы.

— Мила, пожалуйста, успокойтесь, выдохните, — я говорил тихо, стараясь вернуть наш разговор в конструктивное русло. — Мила, мы знаем, знаем, что он себя представляет, как и чем он жил. Сведения, конечно, не полные, тогда досье на каждого подробно в архивах не велось, но в целом, понимание есть. Но мы для этого вас и пригласили с ним работать. Пионеров же вы воспитываете? Вот и Мирошникову помогите перестроиться.

Я не мог раскрыть ей, что у нас с ней на самом деле нет выбора. У Мирошникова, по большому счету, тоже. Если его адаптация в современном обществе окончится неудачей, то его, скорее всего, поместят в какой-нибудь исследовательский центр. Там он станет лабораторной крысой для ученых.

Помню, когда в феврале о «попаданце» доложили в Москву, шум поднялся невероятный. Для доставки Алексея в столицу в Краснодар отправили суборбитальный самолет с

вооруженным конвоем. Меня командировали в московский главк как человека, который вел дело Мирошникова и владел максимумом информации. До аэропорта в Краснодаре мы ехали дольше, чем летели до столицы. Уже через пару часов мы сидели в допросных и беседовали со следователями.

Первоначально никто не верил, что он пришелец из прошлого. Уж очень фантастично это звучало. Но семантические декодеры, которые переводили мысли Мирошникова, показали, что он не врал – он был абсолютно уверен, что жил в 2025 году. В мозг ему ввели инвазивный имплант, и манипуляции с ментальным состоянием ничего отличного от версии гостя из прошлого не установили.

К исследованию на условиях секретности подключили именитых ученых. И представьте себе, они тоже пришли к выводу о чуде – Мирошников, по их мнению, действительно являлся попаданцем из прошлого, самым настоящим.

— Это фантастика, но в его тканях мы нашли метаболиты хлорорганических пестицидов, которые практически не встречаются в наше время, — объясняла на заседании руководства КГБ кандидат биологических наук Валентина Васильевна Скворцова. — Паттерны метилирования ДНК указывают на воздействия факторов, характерных для XX века: диету с высоким содержанием обработанных продуктов и контакт с промышленными загрязнителями. Я уже не говорю про допотопные зубные пломбы. А его одежда? Там есть красители с химическим «отпечатком» прошлого. Это край-

не сложно подделать без высокотехнологичного оборудования. Разве что это результат многолетнего эксперимента.

Выпускать Мирошникова в обычный мир было авантюрой – он представлял огромную ценность для науки. Кроме того, он был носителем секретной информации, которая могла бы позволить сделать открытия, касающиеся перемещения во времени. Им могли заинтересоваться агенты других стран и уговорить его на сотрудничество или даже побег. Но все же было принято решение о его интеграции в советское общество. Решение о легализации было компромиссным: нахождение объекта в исследовательском центре могло привести к его психическому разрушению, а интеграция в общество давала шанс выявить его связи намерения. Если он все-таки был засланцем, то на «свободе» было проще установить его истинные цели и вероятных соратников.

Не то, чтобы я радовался за слащавого блондинчика, когда его отпустили из «застенок» исследовательского центра, но для меня такое решение было выгодным. От его «приживаемости» в Краснодаре зависело мое будущее

— Капитан Ефимов, если Мирошникову удастся успешно встроиться в обычную жизнь, он освоится или все-таки выдаст себя и выйдет на связь с сообщниками, можете рассчитывать на перевод в Москву, — пообещал мне генерал Семенченко при личной встрече в столице. Я знал, что он сам был уроженцем Краснодара и охотно брал в команду земляков, но только если они действительно заслуживали играть в высшей

лиге кагэбэшников.

Мирошникова легализовали по полной программе: выдали документы, вбили данные во все цифровые системы. В паспорте значилось, что он уроженец Владивостока 2100 года рождения. Адаптацией его к новой жизни первоначально должен был заниматься исключительно я, но психологи предложили подключить родственников.

— Это хорошая стратегия. У Мирошникова появится осознание, что он не один, его потомки станут для него опорами идентичности, — обосновывал свою точку зрения инженер ментальных резилиентных систем Вячеслав Доспехов. — У него из-за «переезда» постравматическое стрессовое расстройство и с родственниками, настоящими, он будет знать, что кто-то готов заботиться о нем не по долгу службы. Они помогут ему принять потерю всего, что для него было ценным.

Доспехов уточнил, что важно, чтобы новый помощник не был опекуном в полном смысле, наш пришелец должен сохранить автономию.

Сегодня я убедил Милу дать Алексею шанс. Напомнил, что ему сейчас крайне тяжело, он оказался один в незнакомом ему мире, ему нужны друзья и поддержка. Мы договорились, что она пригласить его домой, чтобы познакомить с семьей. Конечно, говорить им, кто он она не будет, представит, как нового знакомого или даже как своего возможного избранника.

Моей задачей пока было трудоустройство Мирошникова. Сидеть на шее государства ему бы не позволили. От каждого по способностям, каждому по труду. Пусть работает.

Для трудоустройства Алексею создали цифровой профиль. В нем он значился как специалист по психоэкологии антропосферы, занимающийся анализом влияния медиа на психику людей. Выбор профессии был не случайным: по данным системы госпланирования, эксперты с таким образованием в Краснодаре не требовались, а, значит, служба трудоустройства обязана была предложить ему переобучение. Курсы профобразования и поддержка специалистов помогут Мирошникову освоить новую профессию.

— Придется постараться, Алексей, — объяснял я ему перспективы трудоустройства. — Конечно, будет непросто, но ты справишься. Можешь рассчитывать на нашу помощь.

На резюме Мирошникова клюнули в конвергентной редакции «Кубань». Им требовался специалист для проверки алгоритмов ИИ на предвзятость и выявления дипфейков. Новому работнику обещали курсы повышения квалификации и помощь наставника. На собеседование в редакцию Алексея пригласили к девяти утра в понедельник.

— Я никогда не работал журналистом, маркетолог, это совсем другая профессия, понимаете? — пытался объяснить мне Мирошников. — Я боюсь, что не справлюсь. Что я знаю о журналистике? Ну читал «Золотого теленка», помню про «Торжественный комплект» Остапа Бендера. Он как раз

подходит для советской прессы, да? Ну там, про железного коня, который вершит поступь истории, зубовный скрежет врага, молоха капитализма и прочие пески прошлого, помнишь же?

— Да успокойся ты, сейчас журналистика — это не писать новости, — убеждал я его. — Все делает нейронка. Твоя задача — отобразить достоверное, объяснить, почему это важно, разобраться, если есть противоречивая информация. Ничего серьезного, типа интервью или создания симуляций тебе вряд ли доверят. Может быть потом. Ну? Выдохни! И представления о советском обществе у тебя странные.

Я понимал, что он боялся, что не справится. На его месте, я бы тоже испытывал неуверенность и тревогу. Полагаю, он ощущал себя как велосипедист, которому внезапно поручили управлять космической ракетой. Впрочем, особого сочувствия у меня Алешенка не вызывал. Я, как и Мила, чувствовал чужака, - и не столько из-за того, что он был из прошлого, сколько из-за несовпадения взглядов

Судя по отчету наших агентов, которые присматривали за ним благодаря умным камерам на улицах, Мирошников без опозданий, точно в назначенное время прибыл к зданию офиса редакции на улице Маргариты Симонян. Он самостоятельно вызвал шаттл и задал ему нужный маршрут. По прибытию зашел в лифт на магнитной подушке снаружи здания, который доставил его на самый верхний этаж, а затем обогнул фасад, чтобы высадить у кабинета главреда.

Там Алексея встретил начальник «Кубани» Павел Лаврентьев – блондин, который умудрился к 50-летнему возрасту сохранить телосложение спортивного подростка.

— Алексей, а вы откуда из Приморья? Владивостока? — начал Лаврентьев, не скрывая любопытства. — Учились в Дальневосточном федеральном университете? Он до сих пор на острове Русском? Время идет, но это вечно! Ничего, по морю скучать не будете, у нас тут два – и добраться до них можно на маглеве всего за 15 минут. Как хорошо, что вы к нам устроитесь. Наша Аня, Аня Князева которая ранее работала у нас, уже в третий раз ушла в декретный отпуск, а на замену никого нет, хорошо, что вы подвернулись, все-таки понимаете, чем занимаются смешники.

В итоге Мирошникова взяли на должность куратора персонализированного контента — поручили отбор новостей с учетом индивидуальных предпочтений аудитории. Зарплату назначили в 175 цифрорублей – и это без премиальных. «Справится», — надеялся я. — «И выплата более, чем достойная».

После собеседования и оформления трудоустройства, Алексей принялся исследовать Краснодар. В отчете оперативных сотрудников значилось, что он направился по проспекту Галицкого в сторону Новой набережной реки Кубань. Объект наблюдения любовался видами города, купил в киоске 3D-печати еды манговое мороженое с функцией снижения стресса и двинулся вдоль береговой линии.

Судя по видео ряду с камер, прогулка по городу вызвала в нем разные эмоции – от отчаяния до восхищения. Он явно не узнавал родной Краснодар. Сто лет назад это был город с узкими улицами и хаотичной застройкой, теперь мегаполис с воздушными трассами. Алексей остановился у парапета на набережной, разглядывая «Речные экспрессы» на водородном топливе. Беспилотные шаттлы обтекаемой формы летели по воде на подушке из вихря брызг.

Дальше он спустился на пляж, где загорали и купались десятки людей – счастье краснодарцев – купальный сезон даже в пресных водоемах у нас длится до октября. Он разулся и прошелся по берегу босиком, зачем-то спросил у дедули в купальных шортах, не боится ли тот плавать в Кубани, а, когда дошел до лестницы, вернулся на зону набережной.

В месте, где ее территория переходила в парк имени 80-летия окончания спецоперации, Мирошников догнал смуглый темноволосый мужчина. Они вступили в разговор. Расшифровка видео показала, что разговор был случайным.

— Вы не подскажете, как пройти на улицу писателя Александра Проханова? — незнакомец говорил с легким акцентом, его взгляд скользил по лицу Алексея.

— Простите, я не знаю, — ответил Мирошников и отправился дальше, не обратив внимания на случайного прохожего.

Для нашего «попаданца» это был обычный вопрос, который ему могли бы задать случайные прохожие в 2025 го-

ду. Проблема в том, что сейчас люди не спрашивают у друг друга о том, как выстроить маршрут к определенной точке. Они прокладывают дорогу в реальности с помощью цифрового гида или подключаются к общим геокартам. С таким же успехом прохожий мог задать любой другой идиотский вопрос, типа: У вас продается славянский шкаф? Кто этот смуглолицый и почему он обратился к Мирошникову?

Я просматривал запись их встречи в оперативном штабе. Камеры зафиксировали каждое движение.

— Обратите внимание на выражение лица незнакомца в момент, когда Алексей отказался помочь, но не удивился вопросу, — заметил аналитик, остановив кадр. — Он, кажется, доволен. Затем — слишком быстрый уход. Как будто он проверял реакцию.

— Проверял? — я нахмурился.

— Возможно, реакцию Мирошникова на нестандартную ситуацию. А может, просто искал повод завязать контакт.

— Установите, кто это, определите все маршруту, по которым передвигался субъект последние 48 часов, — распорядился я.

Я зашел в кабинет и запросил сеанс связи с Семенченко.

— У нас проблема, — предупредил я генерала. — Кто-то проявляет интерес к нашему «попаданцу».

Глава VI Мила Сыромятникова

Мне было сложно придумать предлог для знакомства Алексея с моей семьей. Приводить коллегу домой было бы странно, поэтому, посоветовавшись с Мишей, мы решили, представить Мирошникова как моего возможного избранника. Ну, как будто мы познакомились, несколько раз встретились, он мне нравится, я ему тоже, но пока мы не пара, но, кто его знает, может и станем.

О-о-о-о! Родители восприняли этот визит как праздник. Еще бы: дочери 25 лет, девка на выданье, а замуж не собирается. Другие уже детей рожают, внуками мам и пап радуют, а я только пионеров в школе воспитываю.

— Мила я, семья – фундамент ССГ, дети – наше общее завтра, больше детей – сильнее страна! Да и просто нам уже хочется кого-то поняньчить, — постоянно говорила мне мама. – Мне уже 55, отцу – 58, оба на пенсии. В санатории мы уже наездили, на даче — только огород и рыбалка, Костя и Артемка с семьями далеко, к ним к внукам не наездишься. Давай уже и ты нас порадуешь внуками.

Не то, чтобы я не хотела замуж и намеренно засиживалась в девках. В школе о мальчиках не думала, все время училась. В пединституте был преимущественно девичий коллектив. Знакомства с парнями случались, но дальше двух-трех свиданий не заходили. Как-то было все натянуто, я не могла рас-

слабиться, хотела казаться лучше, чем есть на самом деле. Может быть, поэтому у нас не срасталось?

В 25 лет я уже вполне могла считаться старой девой. Так что новость о визите потенциального зятя мои родители восприняли как праздник — готовились как к нему, как к приему президента, не меньше. Мама намеревалась приготовить свой фирменный рыбный пирог по старинному рецепту, которому, кажется, уже больше 200 лет.

— Ну и что, что духовка допотопная? — отмахнулась она, когда я заикнулась о 3D-принтере для еды. — Настоящего вкуса можно добиться только, если готовить по старинке.

Она возилась на кухне с самого утра: раскатывала дрожжевое тесто, наслаивала начинку из лука, риса и рыбного филе, сверху накрыла тончайшим слоем теста и поставила на противне в разогретый переносной духовой шкаф, который остался ей в наследство еще от бабушки.

— Мила, я надеюсь, что не зря потратила столько времени и ему понравится, — она достала пирог из духовки.

— Понравится, мама, понравится, — пыталась успокоить ее я. Пахло действительно волшебно. В этот момент дверь пискнула, голограмма над ней высветила: «Гость: Алексей Мирошников. Цель визита: неформальный ужин».

— Подтверждаю, — я махнула рукой и замок щелкнул.

Я пошла открывать, надеясь, что гость окажется хорошим артистом, сможет достойно сыграть роль моего ухажера и не выдаст себя: «Только бы он не забыл легенду, не ляпнул что-

нибудь про Владивосток». Глупо: я же не на экзамене, но сердце стучало так, как будто я действительно представляла родителям своего парня.

Алексей стоял на пороге с букетом цветов и бутылкой коньяка. Он поджимал губы и искал в моем взгляде подтверждение, что все будет хорошо. Я ободряюще улыбнулась и кивнула.

Встречать «жениха» в коридор вышли все – родители, два кота и собака. Алексей растянул губы в улыбке и поздоровался.

- Мария Евгеньевна, рад познакомиться, - Мирошников обратился к маме и вручил ей роскошные розы. – Александр Алексеевич, это вам, надеюсь, вам понравится московский коньяк.

После приветствий мы прошли на террасу родительской трешки – любимое место всей семьи. Вид отсюда открывался благостный. Перед нашим домом расстилался гигантский парк на берегу Кубани. Над рекой истерили чайки, солнце клонилось к закату, поэтому облака порозовели. Наша встреча проходила на идиллическом фоне, и я надеялась, что Алексей сможет сохранить самообладание.

— Проходите, присаживайтесь, — отец пригласил всех за стол. Мама внесла пирог и поставила его в центр стола.

— Алексей, специально к вашему приходу я испекла вручную пирог по нашему семейному рецепту, - похвасталась она, стремясь произвести впечатление. — Прямо как

моя прапрапрабабушка. Никакой 3D-печати и биореакторов, только филе рыбы искусственное.

Пирог не обманул: он пах не только выпечкой, но и домом, семьей, заботой. Все ели молча, только приборы постукивало о тарелки. Алексей жевал с закрытыми глазами – медленно, сосредоточенно.

— Это потрясающе. Можно еще?

Мама расцвела, отец улыбнулся. Дальше все прошло по предполагаемому сценарию. Папа, который уже несколько лет составляет семейную летопись, завел разговор об истории Сыромятниковых и Мирошниковых.

— Ваша фамилия Мирошников? А вы знаете, что это фамилия бабушки Милы? — поинтересовался он и начал демонстрацию фотографий из виртуального семейного альбома.

На экране перед столом развернулись сначала мои детские снимки: вот я на пляже в Анапе, вот вместе со старшими братьями Артемом и Костей в Санкт-Петербурге на экскурсии, с бабушкой в саду, с дедом на рыбалке. Затем папа переключил на снимки членов семьи.

— Вот бабушка Милы и моя мать — Екатерина Сыромятникова. Вот ее девичья фамилия – Мирошникова, — объяснил папа. — Она вышла замуж за Алексея Сыромятникова, моего отца. Между прочим, он участвовал в модернизации системы ОГАС — той самой, на которой сейчас держится вся система учета и распределения страны.

На экране визуального семейного музея появились фото бабушки Кати и деда Леши. Они стояли на фоне гигантских кедров, в теплых комбинезонах и меховых шапках.

— Это они в Новосибирске в 2063 году, — продолжал наш семейный экскурсовод. — Фото сделано на поверхности, в городе, но работали и жили они на самом деле в подземном научном центре.

— ОГАС? – не смог сдержать любопытства Алексей.

Я напряглась. Он не в курсе, что это такое и могла только надеяться, что он не станет задавать уточняющие вопросы, иначе у папы возникнут вопросы, почему россиянин ничего не знает о цифровой систему управления, хотя в школе про нее начинают рассказывать с первого класса.

— Да, дедушка Милы был одним из тех, кто, так сказать переставил идею СССР на новые рельсы, — не упустил возможности похвастаться именитым предком отец. — Благодаря, в том числе и ему, у нас теперь бескризисная экономика, гарантированное жилье для всех, бесплатная медицина и образование.

— И на пенсию мы теперь идем в 55 лет, — вступила мама. — Я начинающий пенсионер и, поверьте, это золотое время – сил еще море, здоровье позволяет совершать всякие безумства. Вон Александр Алексеевич, решил заняться рафтингом. Представляете? Теперь ездим в Адыгею, сплавиться на байдарках. Я всегда рисовать мечтала, теперь хожу на курсы в институт культуры.

— А пенсии хватает? — Алексей посмотрел на нее с любопытством.

— Почему ее должно не хватать? — искренне удивилась мама. — Средняя пенсия у нас в стране 80% от среднего заработка. Этого достаточно на поездки по стране, покупки. Вон мы в прошлом месяце вдвоем на Байкал слетали. Две недели на Алтае в сентябре — золотое время. Хотите фотографии покажем?

— Только сначала я про родственников доскажу, — остановил ее папа.

Страница альбома перевернулась и мы увидели моих прадеда и прабабушку — Кирилла Мирошникова и его жену Светлану. Они сфотографировались на фоне Александровской триумфальной арки на улице Красной в Краснодаре в старой части города. Я посмотрела на Алексея — поняла, что он узнал своего повзрослевшего племянника.

Их фото сменила фотография мамы прадеда — Анны Мирошниковой — настоящей сестры моего псевдо-жениха из прошлого.

— Вот моя прабабушка Аня, — продолжил папа. — Фамилию Мирошникова она унаследовала от своего отчима — врача-пульмонолога. Он ее удочерил. У Ани был брат — Алексей. Он пропал. Там была какая-то странная история. Он упал в яму на машине в той части города, которая затем провалилась. Данных о том, что его нашли, нет. У него девушка осталась, беременная. Она потом сына родила.

— Сына? Вика? — охрипшим голосом спросил Алеша. Его пальцы скомкали скатерть, он привстал и наклонился к экрану.

Я замерла. В голове — пустота. Как объяснить в случае вопросов, что Алексей знает про Вику?

Но я зря переживала. Папа, кажется, пропустил мимо ушей прокол гостя. Он продолжал рассказывать про сестру и сына Мирошникова, хотя даже не подозревал об этом.

— Да, вы все верно поняли: у Алексея был сын, но про него информации крайне мало, потому что девушка уехала из города, прекратила общение с нашей семьей, — объяснил па. — Я нашел данные, что Егор, так называли мальчика, потом, вывезли за границу. Там его следы затерялись.

На экране мелькали цветные фотографии Ани – сестры Алексея, ее детей, мужа, его родителей. На одном из снимков они были уже постаревшие – гуляющие в парке Галицкого – на заднем плане виднелся узнаваемый стадион «Краснодар». Алексей смотрел на них, не отрываясь: перед ним проносилась жизнь его семьи. Его самые близкие люди жили на этих снимках — смеялись, радовались. А он все это пропустил. Его не было рядом. Он «пропал»...

— А Вы Алексей откуда будете? Вы к Мирошниковым из Краснодара имеете какое-то отношение? — начал па. Понятно, родители хотели убедиться, что избранник дочери — мужчина достойный.

— Насколько я знаю, к краснодарским Мирошниковым

моя семья не имеет отношение, — с легкой неуверенностью в голосе заговорил Алексей. — Я из Владивостока, Приморского края, мои родители там родились и выросли. Сюда приехал по программе переселения. В Приморье для меня слишком влажно.

Дальше последовал допрос с пристрастием. Алексею пришлось на ходу сочинять легенду о своей семье, рассказывать о прелестях Владивостока и почему любит пян-се, почему не женился, но пытался построить отношения с одной красивой девушкой, о том, что больше любит кошек, чем собак и кофе, чем чай.

Я смотрела на него и видела, что через маску показной уверенности пробивается растерянность. Он старался не показать, как ему сложно проглотить всю информацию о семье, которую отец обрушил на него за какие-то полчаса. До него дошло, что всех, кого он раньше знал и любил, уже ушли из жизни. Он остался один. Да, есть мы, но по сути мы для него чужие люди и по духу, и по крови.

За столом возникла пауза. Мама поспешила разрядить обстановку:

— Алеша, а вы пробовали наш кубанский мед? С лавандовых полей под Новороссийском?

— Да! И расскажите, как вам Краснодар? — подхватил отец. — Уж успели посмотреть город? У нас недавно открыли новый парк виртуальной реальности. Можно прогуляться по дядерной России.

— Пока не успел объездить весь город, — Мирошников с облегчением ухватился за новую тему. — Но часть уже посмотрел. Кубань — потрясающая река!

Разговор плавно продолжился советами о том, какие достопримечательности следует всенепременно посетить, затем родители похвастались успехами местной агроиндустрии и порекомендовали сочинские киви. Мирошников оттаял и даже улыбнулся пару раз.

Когда он ушел родители сказали, что Алеша им понравился.

— Хороший парень, странноватый немного, но, наверное, просто стеснялся, — резюмировал отец.

Ближе к ночи Алексей прислал мне сообщение, в котором поблагодарил за экскурс в семейную историю, знакомство с родственниками:

— Увидеть их... Это как удар под дых. Аня, Кирилл — они были частью моей жизни. Когда я пропал, моей сводной сестре было 35 лет, племяннику — 16. А ты его правнучка. У меня не укладывается это в голове. Мне — 25 лет, тебе столько же, но ты — мой далекий потомок. Как будто я схожу с ума. Мое настоящее вдруг стало далеким прошлым. И как узнать, что стало, с моим сыном, есть ли у меня внуки, правнуки?

Позднее добавил: Пирог... Он как мамин. Вкус дома и прошлой жизни.

Я вздохнула и напечатала в ответ:

— Пожалуйста, не переживай так сильно. Про Вику и ребенка мы попытаемся выяснить через капитана Ефимова. Держись. Ты не один.

Глава VII Алексей Мирошников

У меня столько вопросов и меня буквально разрывает от эмоций. Я никогда не думал о детях, а тут у меня сын... Человек, который прожил целую жизнь, о которой я ничего не знаю.

— Егор. Егор Алексеевич Мирошников, — пробовал я в тишине дома его имя на слух. Я попытался осознать, что стал отцом. Меня преследовало ощущение, что это происходит не со мной, но давило осознание, что я пропустил что-то такое значимое, масштабное, важное в своей жизни — то, что невозможно компенсировать и исправить.

Руки тряслись, прорывались слезы, я не мог усидеть на месте и бродил от одной стены к другой.

— Как он жил, что стало с Викой, есть ли у меня внуки, правнуки? Почему они выехали за границу? — эти мысли не давали мне успокоиться и заснуть.

Самостоятельно включился цифровой помощник. Он уточнил, что встроенный в организм датчик зафиксировал повышение гормонов стресса и тут же предложил варианты успокоительных.

Тут же вышел на связь Ефимов.

— Алексей, с тобой все в порядке? Требуются успокоительные? Нам на пульт поступил сигнал, что организм сбоят. Понимаю, вы в шоке от информации про семью — Мила

звонила, —пытался понизить градус волнения капитан. — Обещаю, завтра к вечеру я приеду и доставлю досье на всех твоих близких. Ну, конечно, то, что имею права показать. Понимаешь, да?

— Не парьтесь, — бросил я ему, стараясь держаться. — Переволновался, конечно, но в целом норм. Таблетки приму сам.

Я собрался с силами: заказал доставку успокоительного чая, принял душ. Пытался уснуть, чтобы завтра пойти на работу. Меня мучила мысль: если Вика и сын уехали за границу, то никакой информации от КГБ я не получу — железный занавес и все такое.

Под утро мне приснился сон. Я вновь стал маленьким шестилетним пацаном. Мы отправились в поход в горы всей семьей. Не было ни отелей с удобствами, ни моря, ни развлечений. Только папа, мама, Аня и я. Горы, рюкзаки за спиной, долгий путь, каша на костре, сон в палатках и звездное бездонное небо, на которое я с отцом смотрел полночи.

Папа сначала мне рассказывал о созвездиях, но потом захрапел, а я, примостившись рядышком, не отрываясь смотрел на небо – глубокое, загадочное, совсем не похожее на городское. Тогда я чувствовал себя защищенным, в полной безопасности, несмотря на то, что рядом не было ничего, где мы могли бы укрыться от угрозы, если бы она возникла. Одно только присутствие отца рядом делало мир безопасным. Еще во сне я чувствовал запах травы и полыни — горькова-

тый и щекочущий нос.

Из детства в реальность меня вернул визжащий будильник. Я чувствовал себя стариком, сил даже на простые движения не хватало, хотелось лежать, смотреть в потолок. Я не понимал, как жить дальше, чувствовал отсутствие смысла, а в голове пульс отбивал слова профессора Голунова: «Вернуться назад невозможно — законы физики не позволят».

Я заставил себя собраться и поехать в редакцию. После всего, что случилось накануне, выход на работу казался мне подвигом. В голове засела мысль: «А не послать ли все куда подальше?» Но выбора не было.

Меня встретила мой куратор Ирина Ленская. Несмотря на возраст, приближающийся к пенсионному, она выглядела как фотомодель: высокая, с кошачьей грацией, лицо без морщин. «Что сейчас делают женщины, чтобы оставаться такими молодыми в свои пятьдесят с хвостиком?», — засело у меня в голове.

– Я понимаю, что вас назначили на должность куратора персонализированного контента, но сейчас я вам поручу немного другую задачу, – Ленская пыталась объяснить задание. – Вам придется провести фактчекинг. Да-да, как в старые добрые времена в прошлом веке.

– Но ведь есть ИИ.

– Есть. Но он до сих пор ошибается, а с нас дерут три шкуры, если мы пропускаем неточности, сами понимаете.

Короче, мне доверили проверить каждую дату, каждую

фамилию, каждое название, каждый факт в сгенерированном ИИ обучающем фильме по истории с помощью алгоритмов, а кроме того — лично оценить видео- и звуковой ряд, чтобы исключить оскорбительные или предвзятые трактовки исторических событий. Хм, мне даже стало любопытно: как я, противник «совка», отреагирую на «предвзятости»? В том, что они будут, сомнений у меня не было: все-таки в СССР умели в пропаганду, а потомки вряд ли отказались от приемов предков.

Я надел наушники, включил фильм. На экране появилось название: «Путь к справедливости: летопись социалистической России». Пока я пытался осмыслить утрату семьи, мне рассказывали о трансформации страны.

Каждый кадр отпечатался у меня в памяти. Мне не стать Вангой для своих современников. Я не смогу рассказать им, что ждет мир, страну и почему она вернется к социализму. А даже, если бы и смог, мне вряд ли кто-нибудь поверил.

Переварить полученную информацию я не могу до сих пор. Скажу вам, дальше все так завертится, что СВО и санкции покажутся детской игрой.

Россия таки добьется своего в спецоперации. Европа и «англичанка» продолжают гадить. Противостояние с ними продолжится. Мы жахнем по ним. Ага. А потом их добьют экономические трудности и мигранты.

Я видел кадры очереди за едой в Париже, баррикады в Берлине, погибших людей. В конце концов ЕС развалится.

Через несколько лет мир потрясет новый конфликт. Начнется заварушка между США и Китаем. Китайские моряки вступят в противостояние с филиппинцами в Южно-Китайском море, американцы встанут горой за союзников, чтобы компенсировать свой провал с Ираном. КНР и США обменяются ядерными ударами, в итоге Восточное побережье США и Юго-Восточного Китая окажутся в зоне радиоактивного заражения. Китай бросится устранять последствия, но климат отреагирует почти как по учебникам: в мире наступит ядерная зима.

На США следом обрушатся глобальные природные катастрофы. Прогнозы про взрыв вулкана Йеллоустоун в США слышали? Сбудутся. Тектонические процессы активизируются из-за ядерных ударов, что усилит их последствия. Я увидел кадры с камер видеонаблюдения в Йеллоустоунском парке. Спокойный пейзаж вдруг сменился внезапной вспышкой у горизонта, деревья вмиг пригнулись к земле, словно травинки, в небо взлетел столб пепла и камней, волна пыли и обломков снесла все вокруг на километры. Облако пепла накрыло весь континент. Мир погрузился в серый туман.

– Температура на Земле снизилась на 3-5 градусов, что привело к неурожаем в ряде стран и вызвало рост числа экстремальных погодных явлений. Коллапс глобальной финансовой системы привел к разрыву цепочек поставок критически важных товаров, – рассказывал диктор фильма, а на экране кадры природных катастроф сменяли виды затоплен-

ных городов и трупов людей и животных.

Короче, наступит глобальная катастрофа. Урожай не смогут собирать несколько лет. Голодать придется европейцам — они буквально будут бороться за кусок хлеба. Не все, конечно. У тех, кто владеет состояниями, все будет относительно хорошо. Вряд ли среди них — мой сын. Смог ли он выжить?

России повезет больше, чем другим странам. Нас удержит на плаву самодостаточная энергосистема, имеющиеся запасы продовольствия и медикаментов. Поднажмут оборонные и научные центры, которые постараются максимально быстро восполнить дефицит еды, лекарств, самого необходимого. Короче, мы будем бороться за жизнь и примем под крыло Белоруссию, с которой уже и так вступили в союз.

К ним хлынут потоки европейских беженцев. Нет, конечно, сначала их будут пускать, одевать и кормить, но потом границы закроют.

— Россия и Белоруссия ввели режим Чрезвычайного экономического сотрудничества. Страны перешли на единую валюту — рубль с фиксированным курсом, распределение ресурсов стало общим делом, — бубнил диктор.

В обеих странах начнут выдавать продовольственные талоны, для граждан организуют курсы выживания, будут учить, как оборудовать теплицы, самостоятельно строить водоочистные системы.

ИИ включил в фильм кадры сборки тепличных корпусов.

Я увидел, как наши потомки собирают из ржавых труб и рекламных конструкций отопливаемые парники, как отряды мужчин с красными повязками на руках патрулируют улицы, обеспечивая порядок, как волонтеры раздают горячее питание старикам.

Вот этой ситуации российские «илиты» покажут себя во всей красе. Думаете начнут спасать людей, распотрошат запасы? Ничего подобного: крысы побегут с корабля, поспешат вывести активы в Канаду и в Австралию, как только пойдут слухи о национализации. Чуть позже станет понятно, что сарафанное радио транслировало правду. Их прищучат – объявят об экспроприации собственности. Да, почти как после революции 1917 года.

В странах союза сформируют Всенародный совет. В его состав войдут не спортсмены, артисты и олигархи, как у нас, а ученые, военные – участники СВО, священники, опытные управленцы. Совет и будет управлять союзом. На фоне затяжного экономического кризиса власти объявят о «чрезвычайных мерах» – национализации. Строй в стран поменяется.

– В России и Белоруссии была принято Соглашение о солидарности и создании ССГ. Согласно документу земля, полезные ископаемые и прочие природные ресурсы, энергетика перешла в общественную собственность. Всем гражданам союзных государств были предоставлены базовые гарантии: право на труд, жилье, медицинское обслуживание, – говори-

лось в лекции по истории.

Таким образом, страну вернули на социалистические рельсы. Посмотрели на Китай, который, показал, что это вполне жизнеспособный и успешный строй. В КНР строители социализма справились с ядерным ударом – в стране с огромным населением не было голода.

В России вспомнили про ОГАС — тот самый, в разработке которого участвовал родственник Ани и мой. Это Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации времен старого СССР. Оказывается, в прошлом веке советские ученые пытались построить систему автоматизированного управления экономикой страны на принципах кибернетики. Вы знали? Я — нет.

В Советском Союзе эксперты хотели поручить, по сути, искусственному интеллекту работу по составлению Госплана, чтобы исключить дефицит и обеспечить страну всем необходимым. Ну, чтобы не советские служащие и статисты, как в фильме «Служебный роман», считали бы, чего и где не хватает, а где переизбыток, а машины — без эмоций, ошибок и желания набить карманы.

– В СССР реализовать проект не удалось, — уточнил диктор лекции по истории. — К началу 1970-х годов советское руководство приняло решение от него отказаться, посчитав, что это может угрожать партийному контролю над экономикой.

В советской России с помощью современной ИИ совет-

ские наработки в кибернетике модернизировали. Ученые трудились в подземном научном центре под Новосибирском. Новый ОГАС, алгоритм которой разработали на русском, на минуточку, программном оборудовании, начал рассчитывать объемы производства и потребления, распределять квоты на энергию и сырье. И тогда все изменилось. Жизнь в стране начали строить по рекомендациям суперсистемы кибернетического планирования, которая объединяла в себе ИИ, нейросетевые технологии и квантовые вычисления.

В фильм вошли кадры, снятые в подземном центре. Операторы прошлого века запечатлели, как ученые в комбинезонах следят за потоками данных на мониторах. Один из них указывает на показатели:

— Вот система прогнозирует дефицит лекарственных препаратов через три месяца, значит, необходимо перераспределение квот.

В ССГ вернулись к пятилетним планам, как в Советском Союзе. Задачу на пятилетку ставил ОГАС на основе информации о ресурсах и прогнозах потребления. Массивы данных, так же, как и природные ресурсы, объявили государственной собственностью.

— В России и Белоруссии запустили «Заводы выживания», на которых начали выпускать унифицированные товары, чтобы обеспечить всех нуждающихся: стандартизированные модули жилья, базовые продукты питания, медицинские наборы, — уточнял голос за кадром. — Сибирь, Урал,

Краснодарский край и Ставрополье стали «опорными зонами» за счет запасов леса, руды, воды, пахотных земель.

Диктор рассказывал, что в Союзе Социалистических государств перестроили идеологию: культ потребления объявили пережитком прошлого, вместо этого народ нацелили на разумное потребление.

Понимаете, людям объяснили, что вместо 100 сортов колбасы теперь будет только 10, но зато их хватит всем, а не только самым состоятельным. По аналогии с анекдотом, где бедные едят капусту, богатые — мясо, а вместе — голубцы. В ССГ решили, что каждый должен получать свою порцию голубцов, и похоже большинство россиян и белорусов уравниловка устроила. Они назвали это справедливостью, но я пока вижу систему, в которой нет места свободе.

В ССГ за распределение продуктов питания и вещей, жилья, ведение расчета нагрузки на больницы, школы, заводы стал отвечать ОГАС. «Машинное» управление исключило случаи обогащения и коррупции. ИИ стал сигнализировать о необходимости запуска новых соцобъектов, предупреждать о возникновении излишков и перенаправлять их на другие точки.

Правда, гражданский контроль совсем не отменили. На самом деле часть решений наши потомки продолжали выносить самостоятельно — но не все вместе, а силами депутатов Всенародного совета и правительств России и Белоруссии.

Ситуация в стране начала улучшаться. «Заводы выжива-

ния» перестали так называть. Производственные мощности страны стали работать не на обеспечение населения самым необходимым, а на предоставление широкого спектра товаров и услуг. При этом продолжил актуальным оставаться лозунг: «Общее благо важнее личного комфорта».

Возрождение социалистических принципов не понравилось Западу. Впрочем, нам так оказалось выгоднее, и мы укрепили наш альянс с Китаем, Ираном и КНДР. Сообща страны соцлагеря стали успешнее. Южнокорейцы еще будут в очереди стоять на границе в надежде, что их примут в Северной Корее.

Не думайте, что смена строя прошла тихо и спокойно. Оппозиция проводила митинги, эмигранты и бизнесмены уезжали за границу. В Европу нежелающих жить при социализме отправляли эшелонами. Никто несогласных не преследовал, не удерживал, но им закрыли возможность вернуться назад. Смогу ли я когда-нибудь познакомиться со своими потомками, если они живы и живут за границей? Вопрос...

Экран погас. В кабинете стало темно, только свет из окна рисовал на стене узоры. Я пытался переварить увиденное. Теперь и вправду, судя по выводам фильма, мы живем в самой прекрасной стране на свете, а все остальные нам завидуют.

Лозунги: «Все для народа!» – по всей стране. Безопасность обеспечивают камеры, которые следят за гражданами, в каждого имплантировали чипы, ИИ анализирует состоя-

ние и поведение людей. Новая Россия стала страной, где все имеют равные возможности, все живут в достатке, но есть ли свобода? Я в этом не уверен, как и в том, действительно ли в Европе, куда сбежал мой сын, так плохо, как рассказывают в новостях.

Глава VIII Михаил Ефимов

В 25 лет узнать, что ты — отец, дед и даже прадед, а твои потомки живут в европейском гетто... Пусть не среди руин и не под землей, но за оградой, без будущего. Я пытался представить, что чувствовал бы на месте Мирошникова

Для нашего пришельца сын — это символ утраченного мира, хоть он о нем только что узнал. Перед визитом к Мирошникову я проконсультировался с московскими кураторами

— Понимаете, Михаил, — говорил мне психолог по видеосвязи, — даже если сын уже мертв, информация о его жизни даст Алексею ощущение, что часть его самого продолжала существовать. Это может стать для него якорем. Сейчас он потерян. Чужой в этом мире. Один.

В новой квартире Алексея мы расположились на по-прежнему необжитой кухне — все еще с минимумом положенной при сдаче посуды и мебели. Кофе был безвкусным, но нам было не до этого. Мы рассматривали фотографии Вики и Егора.

Вот молодая мама гуляет с сыном в Чистяковской роще. На втором снимке — Вика с подросшим малышом и своей мамой во дворе многоквартирного дома. Вот Егор — ему года два-три — держит за руку молодого мужчину: это муж Вики, Алексей Кравченко.

— Получается, Вика вышла замуж после моего исчезно-

вения? — спросил Алеша.

— Да, — ответил я, переходя к следующей фотографии. — Кравченко усыновил Егора, так что мы искали данные на Егора Алексеевича Кравченко. Он оказался хорошим отчимом, судя по сохранившимся данным в соцсетях. Семья переехала из России в Европу в 2027 году. Выбрали Германию. Кравченко туда пригласили на работу, как высококлассного программиста. Помогло и то, что он был украинцем по происхождению. В Россию переехал в 2022 году как беженец. Они там достойно жили, даже когда им отказали в пособиях.

Потом в Европе начался ад... Кравченко сумели выстоять. В Берлине возник русский анклав: люди самоорганизовались, заняли часть города, вооружились. Внутри — порядок, снаружи — война за ресурсы. Выживали как могли.

— Твоему сыну не суждено было стать врачом или программистом. — продолжил я. — Школы, вузы — всё это осталось в прошлом. Егор вырослел в подвалах. Стал лидером локальной группировки. Умер в 2070-м.

Я сообщил Алексею, что у него родился внук Дмитрий, есть правнук Алекс.

— Может, и в честь тебя назвали, — добавил я. — Хотя в Европе это обычное имя. Ему сейчас 47 лет. Он старше тебя. Живет в серой зоне. У них там высокая преступность, но сильная взаимопомощь. Наши пытаются поддерживать с ними связь, но, пока движение социалистов в Европе слабое. Их душат, отслеживают уничтожают.

— А сюда его переправить можно? — в глазах Алексея светилась надежда будто я мог щелкнуть пальцами и изменить все.

Я покачал головой:

— Я не волшебник. Я сотрудник спецслужб. Моя задача — не спасать потомков «убежантов», а защищать интересы государства. Кроме того, он вряд ли что-то о тебе знает. ССГ помогает своим сторонникам, но тайно. Иначе их ждет расправа со стороны властей.

Мирошников явно занервничал, начал ходить по комнате туда-сюда, ерошил волосы.

— Слушай, хватит. Давай отвлечемся. Поехали, я тебе город покажу, — предложил я. — Ты же видел Краснодар только отрывочно, а я тебе экскурсию проведу — покажу другие районы. Можем пригласить с нами Милу. Давай я ее спрошу, а ты пока соберешься?

Мила ответила, что как раз освободилась и с удовольствием поедет с нами. Мы договорились встретиться в новой части города — в Динском округе у Музея будущего — через полчаса.

Когда шаттл домчал нас туда, она уже ждала нас на входе гигантского здания в виде кристалла. Музей возвышался над городом. Я не сомневался: Мирошников будет потрясен.

На фасаде здания оживали светодинамические образы — портреты символов эпох: революционеры, космонавты, ученые, писатели. Они сменялись, иллюстрируя великую исто-

рию страны.

— Ленин? Гагарин? О! Дугинов, Прохановский! – Алексей нахмурился. — Это будущее?

— Пойдем, все сам увидишь, — я потянул его вглубь здания.

Первым делом мы зашли в зал «Путь революции». Алексей застыл перед цифровизированным «броневиком Ленина». Когда на «Остин-Путиловец» взобрался виртуальный Ильич и произнес свою знаменитую речь на Финляндском вокзале в апреле 1917 года, Мирошников не шелохнулся. Он прослушал все выступление, и мы вместе с ним.

В зале «Эпоха Великих Строек» попаданец рассматривал 3D-конструкции ГЭС, космодромов, БАМа, Днепрогэса, взял в руки кирку со стенда про стройку Магнитки, чтобы прикинуть ее вес. Милу это почему-то рассмешило, меня — заставило поморщиться.

Мы переместились в зал «Герои Отечества», где нас приветствовали виртуальные участники войн — от Российской империи до ССГ. Затем прошли в зал «Культура». Там Мирошников остановился у голографической инсталляции с Макаром Перелепиным. Классик отечественной литературы сидел за столом, а вокруг него кружился вихрь страниц со строчками романов и образами героев.

— Макар Перелепин – русский писатель, публицист, общественный деятель, политик, ключевая фигура литературно-этического поворота 2010-2030-х годов прошлого века,

— озвучивал диктор данные экспозиции. — Считается одним из основателей концепций «социального патриотизма и «защищенной идентичности».

— Тебе тоже Перелепин нравится? — Мила уставилась на Алексея, ожидая согласия. — Я обожаю его романы про СВО.

— Нет, Перелепин мне не заходит, — отрезал Мирошников.

— А Садуллаев? Ривянкина? Долгаревская?

— Если честно, мне читать особо некогда было, — признался Алеша.

Он перешел к разделу об актерах и исполнителях. Было понятно, когда он узнавал «своих» - оживлялся, задерживался у фигур Александра Ясенко, Владимира Машукова. Это для нас они «динозавры», а вот для него — лица, которые мелькали на экранах кинотеатров и телевизоров.

В зале «Космос» Алексей подбежал к макету лунной станции, примерил виртуальный скафандр, попробовал интерактивный симулятор по управлению луноходом и добыл несколько тонн лунного грунта.

— Мы все-таки полетели на Луну, да? — Он восторженно смотрел на нас с Милой. — Круто!

Когда он дошел до стенда с флагом ССГ на Маре, то осекся:

— Неужели даже туда долетели? Нифига себе!»

Он просматривал хроники 2067 года — высадку космо-

навтов ССГ на Красной планете. Алексей коснулся следующего голографического экспоната и перед ним развернулась карта строящейся марсианской базы страны.

После мы пошли в зал «Наука и техника будущего», которая представляла собой витрину иного мира. Алексей последовал за звуками пульсирующей музыки к Галерее изобретений. Здесь пахло озоном, пол вибрировал под ногами, а вдоль стен в голубом свечении парили прототипы наномедицинских капсул, левитирующих поездов, роботов-рабочих

Мила позвала всех в «Социалистический рай». Мы зашли в купол, и очутились в образцовом городе будущего — небоскребы с жильем были увиты зеленью, пахло цветущими персиками, мимо нас шли виртуальные счастливые люди. В этой капсуле музей погружал всех в счастливое безоблачное будущее.

— 18-часовая рабочая неделя! Межпланетные каникулы! Завершение трудового стажа к 50 годам! — читал Алексей лозунги будущего с экрана. — Вас, что не устраивает ваша 24-часовая рабочая неделя? Да вы и так работаете четыре дня в неделю по шесть часов и на пенсию уходите в 55 лет! Нам бы ваши проблемы!

Его слова повисли в воздухе. Мила переглянулась со мной.

— А как было у вас. Сколько часов в день работали вы? — поинтересовался я.

— Восемь. Пять дней в неделю, — вздохнул Мирошников.

— Некоторые трудились и по 12 часов. До работы еще надо было добираться часами из-за пробок. Отпуск – 28 дней. Сразу нельзя брать весь. Только по две недели. Или вообще дробили по одной.

— Вот видишь, в советской России людям не надо тратить всю жизнь на работу, чтобы получать доход, — посмотрела на него Мила. — У нас есть время жить, заниматься творчеством, семьей.

Экскурсию в музей мы закончили на смотровой площадке на верхушке гигантского кристалла. Уже начало темнеть. Краснодар перед нами предстал как огромная светящаяся карта.

— А это что? Чей-то памятник? — Алексей показал на голограмму, которая виднелась в нескольких десятках километров от нас.

— Покрышкин, летчик-ас времен Великой Отечественной войны, — объяснила Мила. — Ты должен знать.

— А можно мы туда съездим. Это «Энка», да? В этом районе Аня жила с Кириллом, — с грустью произнес Мирошников.

Шаттл доставил нас «на Энку» за пять минут. Голограмма парила над старым бронзовым памятником. Изваяние летчика в шлеме на постаменте казалось крошечным и незначительным на большой освещенной фонарями площади, края которой прятались в тени деревьев. За ними светились окна-витрины многоэтажных домов.

— Странно, совсем другой район, ничего не узнаю, только памятник, — растерянно оглядывался Алексей. — А где дома, школы, садики? Где все?

— Район перестроили, — объяснила Мила. — Старые дома снесли. Теперь поселок имени Жукова — образцовый микрорайон: только экологичные дома нового типа, большие квартиры с садиками, биофильтрами и даже кухонными синтезаторами. А почему ты сказал: «Энка»?

— Да тут раньше вокруг памятника был район, который строила компания с таким названием. — объяснил Алеша. — Вот тут справа от Покрышкина стоял дом, на стене которого было написано «Энка». Сейчас, конечно, здесь все совершенно по-другому... Жутко, если задуматься.

Чуть поодаль от памятника у фонтана проходил уличный концерт. Какая-то местная молодежная группа вышла к слушателям. Солист в светящемся комбинезоне отбивал строки четким речитативом под аккомпанемент синтезатора, трубы и гитары, ударник отмеривал ритм на какой-то допотопной установке. Мы влились в небольшую группу слушателей.

Слушайте, товарищи! Это не сказка, не сон —

Это Россия-2125, где труд — закон!

Где вместо «я» — «мы», вместо прибыли — план,

Где каждый кирпич — шаг к коммунизму. Начнём!

Я — голос цехов, где металл поёт,

Где роботы строят, а человек ведёт.

Вы думали, социализм — это пыль архивов?

Нет, это пульс, что бьёт в ритме общих ритмов!

Когда солист резко вскидывал руку в такт, синтезатор откликался электронным воем. Репер продолжал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.